Т. И. Трошина

«Кровь экономики» в эпоху кровопролития: денежно-кредитные импровизации на Архангельском Севере в 1914–1920 гг.

Периодические «финансовые кризисы государства», за которыми часто следует радикальное изменение политики, имеют под собой незаметную каждодневную деятельность тысяч людей, направленную на мелкую выгоду.

Дж. Скотт¹

— Отдайте мне деньги! — стучал Небольсин кулаком.
— Русским языком сказано: денег нет... Нет денег!
— Хорошо. Когда будут?
— Когда не будет большевиков...
<...>

Сейчас упорядочить жизнь в России можно только пулей и дисциплиной. Крепкой властью! А не подтиркой, на которой госбанк разрисовал всякие там глупые цифирки...

В. Пикуль. Из тупика²

**Трошина
Татьяна Игоревна**
д-р ист. наук, проф.,
Северный
(Арктический)
федеральный
университет
им. М. В. Ломоносова;
проф., Северный
государственный
медицинский
университет
(Архангельск, Россия)

Деньги, как своеобразный барометр состояния государства и общества, реагируют на происходящие процессы и события. Будучи важным условием благосостояния, в стабильные времена деньги не так заметны, как в кризисные, когда их функция всеобщего эквивалента, казалось бы, существенно изменяется и даже ослабевает. Однако, несмотря на то что предпочтительным становится

бартерный обмен предметов первой необходимости, нередко неэквивалентный по понятиям обычного времени, деньги продолжают оставаться важной составляющей общественной жизни.

Анализируя последствия Первой мировой войны, выдающийся экономист Дж. М. Кейнс в 1919 г. отмечал, что Россия с ее полунатуральным хозяйством значительной части населения должна была бы выйти из «мирового пожара» с наименьшими потрясениями, но на практике получилось совершенно иначе. Среди прочих причин Русской революции он называет и общую для всей воюющей Европы тенденцию резкого увеличения потребления по сравнению с мирным временем, и это касается не только военных расходов. «Война показала, что нет смысла копить, надо тратить»; в конце концов это привело к «расстройству денежного обращения и потере веры в покупательную способность денег»³. Отсюда — нарастание материальных лишений, и постепенный процесс, с течением которого «болезнь тела переходит в болезнь духа»⁴.

Представляя собой общегосударственную систему, деньги и изучаются соответствующим образом, без учета особых региональных различий. Вместе с тем даже в наше время ценность денег выше в больших городах, а в отдаленных сельских местностях она понижается до крайних значений. В условиях военно-революционной эпохи деньги в российской провинции вдруг стали играть несвойственную им до этого роль.

Не случайно денежные знаки периода Русской революции и Гражданской войны продолжают привлекать внимание не только специалистов в области бонистики и экономических процессов, но и исследователей социально-политической истории⁵. Историки чаще всего рассматривают их в контексте региональной истории, что связано с фрагментацией государственного пространства России в период Гражданской войны⁶. Общегосударственный взгляд присутствует в работах, анализирующих финансовую политику Временного правительства и большевиков⁷; следует отметить и обобщающую работу М. В. Ходякова, в которой предпринята попытка взглянуть на смутную военно-революционную эпоху 1917–1920 гг. через историю денег⁸.

Еще в середине XIX в. отмечалось, что в медвежьих углах России, в том числе в северных губерниях ее европейской части, население не понимало ценности денег и в результате неэквивалентно оценивало результаты своего труда. Однако в конце столетия начался бурный период индустриализации, который повлек за собой имущественную дифференциацию даже такого устойчивого в этом отношении класса, как крестьянство. Для северных губерний проникновение денег в деревню было связано прежде всего с развитием отхода на сезонные городские заработки; возвращаясь окончательно домой, крестьянин-отходник вновь переставал нуждаться в деньгах как основном способе удовлетворения своих потребностей.

Приведем несколько примеров, связанных с началом Первой мировой войны. В отдаленных местностях Архангельской губернии встречались случаи, когда наряду с «придержанием» звонкой монеты ее выменивали на бумажные деньги по более высокому курсу⁹. В Онежском уезде была разоблачена группа мошенников, хитростью выменивавших у наивных жителей золотые монеты,

объясняя, что золота после войны в ходу вообще не будет, поскольку правительство даже медные и серебряные монеты заменяет на бумажные разменные знаки¹⁰. Подобные случаи демонстрируют оборотную сторону того доверия, которое население стало испытывать к деньгам, в том числе бумажным, в результате реформы русской финансовой системы рубежа XIX–XX вв., сделавшей русские деньги надежным платежным средством.

Первая мировая война создала значительные проблемы для денежной системы государства. С новыми сложностями столкнулись и торгово-промышленные круги Архангельска. В городе и некоторых уездах было объявлено военное положение, часть рабочих мобилизована в действующую армию, введен запрет на экспорт. Финансовые трудности усугубились прекращением кредитования со стороны коммерческих банков и Архангельского отделения Государственного банка (далее — АО Госбанка). Однако вскоре ситуация радикально изменилась. Война способствовала резкому росту значения Архангельска как фактически единственного открытого для внешних связей российского порта. В первую очередь этим заинтересовались коммерческие банки, которые в условиях царившего в стране денежного голода были единственными кредитоспособными учреждениями и фактически монополизировали целые отрасли русской внешней торговли. Они финансировали чрезвычайно выгодные во время войны коммерческие операции, прежде всего экспорт спирта и хлеба через архангельский порт. Кроме Петроградского коммерческого и Русского для внешней торговли банков свои отделения в городе открыли Сибирский, Соединенный и Московский коммерческие банки. Азовско-Донской, Русско-Азиатский и Ярославско-Костромской банки имели здесь свои транспортные и торговые конторы.

Сезонный отход крестьянского населения губернии сменился постоянными и хорошо оплачиваемыми городскими работами. Проблему рабочих рук, возникшую в связи с большим объемом оборонных работ, власти надеялись решить введением более высоких расценок¹¹. В конце концов организаторы казенной перевозки грузов стали заложниками такой политики. Стоимость разгрузочных работ к 1917 г. увеличилась по сравнению с довоенной в 10–15 раз¹²; при этом покупательная способность рубля изменилось значительно меньше, упав за то же время в 3,5 раза¹³. Следует добавить и такой «эквивалент труда», как водка: в условиях сухого закона стоимость бутылки поднялась на черном рынке до 10–14 руб.; на такую ежедневную плату рассчитывали и рабочие. Для сравнения: жалование учителя или мелкого чиновника составляло 30 руб. Вслед за повышением зарплат рабочих приходилось предпринимать меры для повышения доходов остальных групп населения, что влекло рост цен, которые пытались сдерживать введением «такс»; ответом на это стали расширение черного рынка и усиление местной дороговизны.

Несмотря на высокие («американские», как тогда говорили) заработки портовых рабочих в Архангельске, сумма вкладов в сберегательные кассы выросла несоизмеримо меньше. Разбогатевшие на военных заказах нувориши стремились пользоваться моментом, тратя шальные деньги на развлечения (словно предчувствуя, что вернувшиеся с фронта солдаты не простят им

Въ Архангельскѣ. — Archangel.

Здание Архангельского отделения Санкт-Петербургского (Петроградского) международного коммерческого банка (начало XX в.). Фото из коллекции Архангельского краеведческого музея

Здание Архангельского отделения Сибирского торгового банка (1916–1918 гг.). Фото из коллекции Архангельского краеведческого музея

военных сверхдоходов). Даже у всегда прижимистых крестьян отмечалось стремление к транжирству: «...тратят, на что попало. Мануфактурные магазины заполнены крестьянами, которые покупают, не торгуясь. Объясняют тем, что после войны хлынут женихи, надо готовить приданое для дочерей. Покупают дорогой ром... хотят пожить, как раньше “господа жили”»¹⁴. Приезжая в город, «покупают не торгуясь. Конфеты берут не карамель, а шоколадные, “что господа едят”»¹⁵.

Деревня наполнялась деньгами и благодаря пособиям солдатским семьям. Солдатка, нередко обремененная многочисленными детьми и нетрудоспособными родственниками, получала денежное пособие, значительно превышавшее потерянный доход взятого в армию мужа. Северные крестьянки не спешили тратить казенную и благотворительную помощь на развитие своего хозяйства, ожидая возвращения с фронта мужа, который и решит все накопившиеся экономические проблемы. Продовольствие же предпочитали покупать.

В результате подобного нецелевого использования предоставляемых на конкретные нужды денег солдатские хозяйства приходили в упадок. При этом цены на хлеб в Архангельской губернии в 1917 г. по сравнению с довоенными повысились в шесть раз¹⁶. В связи с общей дороговизной снижалась покупательная способность выдаваемых пособий, падал уровень благосостояния солдатских семейств. Не случайно среди крестьян зрело убеждение, что правительству необходимо «прекратить заваливать деревню деньгами в виде пособий солдаткам, а лучше поднять цены на хлеб»¹⁷, что могло бы мотивировать население не на зарабатывание денег, а на производительный крестьянский труд.

Наметившийся дефицит предметов потребления заставил крестьян прятать деньги «до лучших времен». Однако лишь немногие несли свои сбережения в кредитные товарищества или в банки. В результате в 1916 г. в стране появились признаки дефицита наличности, особенно на окраинах государства, куда доставлять деньги было технически сложно.

Сокращение денежной массы удавалось с трудом при помощи военных займов; казенным учреждениям рекомендовалось пользоваться безналичными расчетами. В результате целого ряда мероприятий к концу 1916 г. в общегосударственном масштабе финансовая ситуация начала выправляться. Как следует из аналитического доклада, представленного в начале 1918 г. Наркомфином, Временное правительство предполагало закрыть 1917 г. бездефицитно.

В марте — апреле, на пике народного доверия Правительству, курс рубля даже немного повысился, но потом началось катастрофическое его падение¹⁸, вызванное увеличением денежной массы и особенно падением ее стоимости. Одновременно с большими расходами не только на ведение войны, но и на многочисленные реформы правительство стало терять доход от налогов: «Революция была понята как свобода от прямого обложения и от уплаты за услуги государства, где только можно. Так народные массы сами постарались ухудшить свое положение на долгие годы»¹⁹.

Разрешение местным органам власти вводить свои земские сборы для целей социально-культурного развития практически способствовало тому, что

крестьяне облагали получение и доставку по своей территории необходимого для промышленности (на севере это в первую очередь лесопиление) сырья, увеличивая тем самым его стоимость. К тому же в условиях революции выдвигались постоянные требования о повышении расценок за труд; предприятия обязаны были выплачивать жалование работникам, которые являлись членами различных органов власти, а также состояли в отрядах красной гвардии.

После октябрьских событий Совнаркому удалось взять финансовую ситуацию под контроль, но ненадолго, поскольку «банки оказались безо всякого имущества, ибо вкладов не несли, долгов не платили, недвижимости были национализированы, принадлежащие банкам фабрики и заводы переданы фабрично-заводским комитетам», а «после национализации банков вся промышленность была передана на иждивение казны»²⁰. Поступление денег путем налогов практически прекратилось, прежде всего в деревне. Ценность денег в глазах крестьян упала. Дефицитные товары (продукты питания, дрова) и услуги предпочитали не продавать, а менять на любые, даже не очень нужные предметы или обменивать горожанам на ценные вещи. Уездный чиновник описывал сложившуюся ситуацию: «Трудно купить что-то из продуктов у крестьян, хотя всего вволю. Отвечают, что в деньгах не нуждаются. Только мольбами и выпрашиваниями удастся уговорить продать по дорогой цене», при этом крестьяне не удосуживались доставлять товары, передавая эту обязанность самому покупателю²¹.

Крестьяне, отказываясь продавать продовольствие, нередко шли «на принцип»: высказываясь против введенной Временным правительством продразверстки, заявляли, что считают необходимым «кормить» только солдат, а не чиновников и не рабочих: «Рабочий же пусть работает по 18 часов в сутки, как крестьянин, тогда и будут сыты, да авось и мы будем одеты и не будем пахать деревянной сохой»²².

Если в целом по стране проблема денег заключалась прежде всего в их чрезмерном количестве и падении в связи с этим покупательной способности, то в северо-западных районах была своя специфика, а именно уменьшение денежной массы в связи с «контрабандой денег» за границу. Архангельская губерния единственная имела общую и почти неохраняемую границу с нейтральным государством — Норвегией. Местные крестьяне (поморы) продолжали пользоваться льготой — беспопшлинной торговли с Северной Норвегией, их суда фактически не досматривались.

Вывоз денег, зафиксированный уже в начале войны, особенно активизировался в конце 1917 — начале 1918 г., когда, как следует из консульского донесения, из Архангельска русские купцы провозили большие суммы денег и спешно обращали их в норвежскую валюту, нередко по пониженному курсу, способствуя тем самым падению стоимости русского рубля²³. После ликвидации имперской системы финансового контроля в губернии на руках у предпринимателей оказалось до миллиона фунтов стерлингов и другой валюты, что привело к безудержной спекуляции ею, а именно к скупке русских денег для вывоза за границу²⁴.

Отток наличности дополнялся проблемой снабжения денежными знаками, которую АО Госбанка стало ощущать вскоре после октябрьских событий 1917 г. Сначала деньги начали поступать в меньших количествах и нерегулярно, а затем их поступление вовсе прекратилось, и «в Архангельске стала ощущаться острая нужда в денежных знаках, чтобы сколько-нибудь урегулировать выдачи сумм и постепенно увеличивающийся отлив денег»²⁵. Ситуация с наличностью усугублялась общей разрухой в финансовом деле, саботажем банковских учреждений и, наконец, опасностью доставлять деньги в Архангельск: на дорогах царил форменный грабеж, крестьяне нападали на поезда и суда, растаскивали перевозимые грузы. Архангельский чиновник свидетельствовал: зимой 1917/1918 г. станции и разъезды Северной железной дороги «представляют из себя потрясающую картину, поезда стоят, остановлены с товарами и продовольствием, подвергаются полному расхищению со стороны окрестных жителей и “товарищей”, которые приезжают из деревень на сотнях подвод, вооруженные кто чем попало, если встречают сопротивление со стороны железнодорожников, то с ними самая ужасная расправа... По станции валяются разорванные мешки пшеницы, разбиты ящики всевозможных товаров, а что касается вагонов — двери поломаны, все приведено в прах»²⁶.

В начале 1918 г. АО Госбанка из-за отсутствия наличности вообще прекратило свою работу; денег не было и в коммерческих банках, поэтому владельцам предприятий приходилось закрывать свое производство, увольняя рабочих. По рекомендации местных финансовых работников временная губернская власть (революционный комитет) распорядилась ограничить выдаваемые банками наличные суммы, пытаясь тем самым остановить их отток из губернии. Эффект оказался обратным ожидаемому: «Мера эта не могла внести успокоение в среду населения, и оно стало усиленно запасаться деньгами»²⁷.

Сложившаяся ситуация была чревата социальным взрывом. В сентябре 1917 г. главноначальствующий Архангельского района Е. И. Сомов телеграфирует в Петроград: «Необходимы по крайней мере 10 миллионов. Могут возникнуть эксцессы»²⁸. В феврале 1918 г. комиссар АО Госбанка Дмитриев объявил губернскому совету депутатов свои опасения: «В связи с прекращением выдачи денег [возможны] эксцессы со стороны населения»²⁹ — и просил выделить охрану, опасаясь нападения на здание банка разъяренных людей — как вкладчиков, потерявших свои деньги, так и рабочих, требовавших выдачи наличных предпринимателям для выплаты заработной платы.

Наибольшая опасность исходила от лучше организованных рабочих, особенно тех, чья деятельность была необходима для жизнеобеспечения населения. Например, железнодорожники требовали выплаты жалования именно наличными деньгами, обещая в противном случае остановить движение, что означало бы прекращение подвоза продовольствия. Идти на уступки было невыгодно, поскольку железнодорожники тратили жалование в других городах, где цены были ниже. Недаром депутаты Совдепа называли железную дорогу «аппаратом для выкачивания денег из Архангельска»³⁰. Приближалась весна, но доставка продовольствия речным путем не могла решить вопрос зависимости от железной дороги, поскольку проведенная национализация флота

возложила на советскую власть расходы на ремонт судов и выплату жалования речникам, которые отказывались работать, требуя выплаты долгов за несколько месяцев³¹.

Возможный экономический коллапс губернии заставил работников Архангельского казначейства и АО Госбанка ограничить свое участие в общероссийском саботаже, осуществлявшемся со стороны финансовых работников. Они согласились «принять комиссара» в обмен на заверение Наркомата финансов прислать денежные знаки³².

Обещанные 20 миллионов, впрочем, так и не поступили. Тогда архангельские финансисты решили воспользоваться опытом других регионов. Например, сибирские города, находившиеся из-за своей оторванности в особенно тяжелом положении, еще при Временном правительстве выпускали через местные отделения Госбанка чеки, предполагая аннулировать их при нормализации финансовой ситуации³³. Исходя из «тревожного политического положения конца 1917 г., полной оторванности от Центра, отсутствия денежных знаков, особенно усилившийся спроса на них со стороны весьма многочисленных в Архангельске, возникших в разное время рабочих и военных организаций», АО Госбанка также решило «по примеру других мест» завести местные денежные знаки³⁴.

На выпуске банками «жиро-чеков» для внутреннего обмена по взаимным обязательствам настаивали предприниматели³⁵. Однако коммерческие банки на основании постановления Совещания своих представителей в Петрограде не имели права самостоятельно выпускать бонь³⁶; кроме того, их положение в связи с предстоящей национализацией оставалось неопределенным. По мнению банковских служащих, ответственность за выпуск временных дензнаков должна была взять на себя губернская власть. Предполагалось, что «каждый частный банк выпускает особые чеки в разных купюрах» в пределах выделяемых АО Госбанка кредитов и под его гарантию «обмена на кредитные билеты по получению из Петрограда наличности» отделения Госбанка». Обеспечением местных денег должна была служить «име[вш]аяся у местных предпринимателей в Америке и Англии свободная валюта, уступаемая добровольно и по точно фиксированному курсу. На эту валюту [предполагалось] заказать в Америке продовольственные продукты, реализовать их среди населения Архангельска и таким образом вернуть часть выпущенных дензнаков»³⁷.

8 января 1918 г. на общем собрании представителей финансово-кредитных организаций и правительственных учреждений «принято принципиальное решение и конкретные предложения по выпуску АО Госбанка бонь», которые будут иметь «обязательное хождение в пределах Архангельской губернии наряду с дензнаками»³⁸. Создана комиссия для выхода с этими предложениями на Государственный банк и решения технических вопросов в случае получения соответствующего разрешения. Впоследствии «квитанции» были заменены чеками, а общее руководство процессом их изготовления перешло финансовой комиссии Ревкома, затем — губернского исполкома.

Вместе с тем проблема наличных денег не терпела отлагательств. Борясь за власть, Советы стремились быть более привлекательными в глазах

населения, чем земские органы, обещая, в частности, финансирование всей местной жизни за счет казны. Волостям, не признававшим советской власти, угрожали «прекратить отпуск кредитов»³⁹. Такой способ политической борьбы оказался весьма действенным. Национализация предприятий также в значительной степени осуществлялась благодаря уверенности рабочих, что содержание их предприятий, а соответственно, и их обеспечение будут проходить за государственный счет.

В результате, установив советскую власть в губернии и уездах, губисполком столкнулся с проблемой наличных денег, которая усугубилась саботажем финансово-кредитных учреждений в центре и на местах, а также большим количеством принятых на себя финансовых обязательств. Отстранив земства, совдепы столкнулись с дополнительными сложностями. Председатель губисполкома отмечал: «Беря земство в свои руки, мы намеревались лучше организовать хозяйственную жизнь губернии, а для этого необходимы средства, ибо уже теперь ежедневно получается много телеграмм с требованием учительского, медицинского персонала, содержателей станций и т. п., которые грозят приостановлением работ... Мы должны приложить все свои силы и средства, дабы хозяйственная и культурная жизнь в губернии не разрушилась, чем пугают наши противники»⁴⁰.

Приходилось оправдываться и перед избирателями. «Комиссар по финансам», выступая в марте 1918 г. перед рабочими и солдатами, четко заявил, что «денег не будет», но пообещал: «Советская власть не доведет до того, чтобы рабочие-пролетарии голодали», для этого будет осуществлено «давление на буржуазию, чтобы они несли вклады в банки», а пока надо дожидаться изготовления местных денег. Но рабочие обещаний уже не слушали: «Вы, как стоящие у власти, должны были заботиться о создавшемся денежном кризисе раньше!..»⁴¹

Вопрос денег становился политическим. Финансовая комиссия при губисполкоме занималась решением вопроса, где их взять. Не доверяя подоходному налогу, комиссия остановилась на поимущественном. Увеличив составленную до войны облагаемую базу в 10 раз, выявили, что обложению подлежит имущество на 125 млн руб., а ожидаемые «собственные боны будут иметь ценность, если они будут соответственно обеспечены кредитными билетами»⁴². Иными словами, нужно было любыми способами наполнить губернскую казну деньгами, выкачивая их из коммерческих банков и из населения.

Советским органам рекомендовалось призывать население «сдавать излишки денежных средств» в кредитные учреждения, предлагая за это различные льготы. Рекомендовалось также «брать на учет» все дефицитные товары, контролируя получаемую за их реализацию прибыль. Были оценены имущество лесозаводов, имевшийся там пиловочник, а также заготовленный лес. В общей сложности нашли 200 млн руб., с которых предлагалось собрать 1 %-ный «первый единовременный местный поимущественный налог Архангельского Совдепа». Даже в лучшем случае собранный налог составил бы 2 млн руб., при этом ежедневная потребность в наличности в Архангельской

губернии, поскольку здесь было много наемной рабочей силы, составляла миллион в день. Для неотложных нужд требовалось одновременно 6 млн руб.⁴³

Весной и летом 1918 г. вводятся самые разнообразные сборы с целью пополнить губернскую казну: повышена плата за пользование водопроводом (на том основании, что водопровод только в центре города, т. е. им пользуются зажиточные горожане, а «надо делиться» с беднейшим населением⁴⁴), вводится «губернский земский благотворительный сбор от легкого пива, квасов, сидров... 3 коп. с бутылки во всех торговлях Архангельской губернии»⁴⁵, облагаются сбором до 10 % от стоимости «духи и одеколоны (как наиболее популярные предметы роскоши) и прочие спиртосодержащие жидкости», вводится обложение текущих банковских счетов (от 5 до 50 % и выше) «на улучшение положения неимущих классов и вообще на нужды советской власти»⁴⁶. «Для образования фонда на неотложные нужды советской власти и начинания, направленные на улучшение положения неимущих классов населения (обеспечение от безработицы, устройство приютов для бездомных и неимущих, открытие дешевых столовых)», единовременным налогом облагались «рестораны, увеселительные заведения, промышленные и торговые предприятия... владельцы экипажей и лошадей». Уклоняющимся грозили судом «революционного трибунала и штрафом вплоть до конфискации всего имущества»⁴⁷.

Местная власть рассчитывала на наличность, хранившуюся в коммерческих банках. В Архангельске реализация декрета от 14 (27) декабря 1917 г. об их национализации состоялась только 4 февраля, и то, по свидетельству управляющего отделением Сибирского банка, им «была предоставлена относительная свобода»⁴⁸. Эта свобода дополнялась отсутствием контроля со стороны правлений, поскольку в центре национализация уже произошла, причем в весьма жесткой форме.

Представители отделений коммерческих банков, объединившись в комитет, стремились решать вопросы с новой властью мирно, «не допуская эксцессов». В частности, когда в январе 1918 г. городской совет депутатов предложил торгово-промышленному классу «выдать городу безвозвратной ссуды 250 тыс. руб.», было решено «принять участие в выдаче таковой и распределить между собой упдающую на частные банки сумму», не обсуждая этот вопрос со своими правлениями («ввиду невозможности в данное время предварительно по сему вопросу снестись» с ними)⁴⁹.

Коммерческие банки покорно приняли поставленных им комиссаров и стали готовиться к национализации, которая представлялась как их включение в структуру Государственного (Народного) банка. Комиссия по национализации в течение двух-трех дней должна была провести ревизию наличности, затем банки продолжили бы свою работу⁵⁰. Однако 16 июня 1918 г. был опубликован приказ так называемой советской ревизии о полной национализации кредитных учреждений⁵¹. И хотя банки обещали выполнять свои обязательства перед населением, среди вкладчиков началась паника.

Начавшийся отток денег из кредитных учреждений сделал невозможным обложение вкладов. Исчезла и формальная возможность учета капиталов, которые можно было бы обложить налогами. Тогда решили извлекать деньги

у крестьян, поскольку у губернского исполкома (несмотря на то что большинство его членов по своему социальному происхождению были крестьянами) сохранялось убеждение, что деревня «переполнена деньгами». Предлагалось «организовать обмен товаров на деньги и таким путем выкачать из деревни имеющиеся там большие средства»⁵². Товары, впрочем, отсутствовали, поэтому рекомендовалось вводить единовременные «чрезвычайные» налоги, распределение и получение которых переложили на крестьянские советы, поскольку считалось, что на низовом уровне население лучше знает, у кого есть деньги.

4 марта 1918 г. по уездам и волостям была разослана телеграмма: «Безденежье губит революцию. Для спасения нужны героические меры. Архангельский губисполком, исполняя распоряжение рабоче-крестьянского правительства, постановил провести беспощадное обложение буржуазии. Предлагаем приступить немедленно, беспощадно облагая владельцев крупного имущества, торговцев, промышленников, кулаков, монастыри»⁵³; чтобы заинтересовать местные советы, предлагалось 40 % собранных денег оставлять волостям, 30 % уездным исполкомам, остальные 30 % направлять в Архангельск⁵⁴.

В отношении сбора налогов в малонаселенной, почти не имеющей крупных промышленных предприятий губернии произошел раскол не столько внутри сельских обществ (как правило, небольших и малолюдных, построенных на жесткой системе коллективной солидарности), сколько между ними. В большинстве обществ принималось решение «своих» не трогать, а недостающие деньги получить путем обложения более богатых, как им казалось, соседей. Крупные промышленные предприятия — лесозаводы, а также проложенная в конце XIX в. по территории губернии железная дорога — занимали крестьянские земли, выплачивая сельским обществам арендную плату. Получив право назначать налоги самостоятельно, местные советы начали увеличивать эту плату, а также вводить дополнительные начисления.

Пока финансовые органы любыми способами добывали деньги, велась подготовка к изготовлению собственных бон, разрешение на изготовление которых было получено 25 февраля. Являясь платежным средством только на территории губернии, они не могли полностью решить проблему наличных денег. Лесозаводы, например, заготавливали сырье в Вологодской губернии; в условиях революции сельские общества не допускали к работам чужих, а «своим» зарплата в архангельских чеках была ни к чему. Большинство рабочих в Архангельской губернии также приехали из других губерний, и требовали жалование в государственных деньгах. Впрочем, к лету 1918 г. заводы уже прекратили работу, начавшаяся конверсия резко сократила объем работ, а демобилизация с лихвой обеспечила имеющиеся предприятия местными рабочими. Для выполнения финансовых обязательств перед рабочими и служащими местные деньги вполне годились.

Первоначально предполагалось печатать чеки в местной типографии, при этом купюры должны были быть «по соображениям размера камня и удобства печатания... размером немногим меньше рублевого билета (1/20 часть листа бумаги, уместающегося на литографическом камне)». Поскольку местная ти-

пография не имела технической возможности обеспечить чеки от подделок, эту проблему решили снять с помощью бумаги «такого сорта, которую трудно достать в продаже»⁵⁵. Для «изыскания такой бумаги (хотя бы бракованной) в Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, и вообще, для решения вопросов, а также получения технических инструкций при изготовлении денежных знаков», в январе 1918 г. в Петроград был командирован контролер АО Госбанка К. В. Штром, «имевший там знакомство». Штром, а также приехавшие вскоре из Архангельска в помощь ему специалисты столкнулись в Петрограде с массой проблем. В связи с наступлением немцев столица государства была перенесена в Москву, и работать приходилось в условиях эвакуации и общего беспорядка. Дела заставили специалистов задержаться в Петрограде на четыре месяца, и вскоре оттуда стали поступать телеграммы с просьбой послать продовольствие, поскольку в голодном и холодном городе было невозможно достать какую-либо еду⁵⁶.

Финансистам удалось получить у комиссара Государственного банка Г. Л. Пятакова разрешение на печатание чеков⁵⁷ и финансирование в размере 50 тыс. руб., а также договориться с администрацией Красносельской бумажной фабрики об изготовлении необходимого количества качественной бумаги (наполовину состоящей из тряпья, поскольку бумага из целлюлозы была ломкой и для денежных знаков не годилась); считалось, что такая бумага гарантировала от подделок, по крайней мере грубых. Выполнение заказа зависело «от наличия сырья и топлива», но все же необходимое количество бумаги удалось достать, и это стало поводом особой гордости для АО Госбанка — предполагалось, что «архангельские деньги» придут всерьез и надолго.

Финансовая секция губисполкома утвердила эскиз чеков и определила общую сумму заготавливаемого номинала — 120 млн руб. Были подготовлены эскизы денежных знаков и клише⁵⁸. Изготовление взяла на себя типография Товарищества Р. Р. Голике и А. И. Вильборг, которая уже имела опыт выполнения подобных заказов (а именно выпуск чеков Союза российских акционерных коммерческих банков; автором дизайна стал художник С. В. Чехонин), но работы были прекращены после национализации коммерческих банков⁵⁹.

Возможно, по рекомендации типографии, эскиз денег также поручили С. В. Чехонину. Объясняя архангельским рабочим и военным служащим причину задержки изготовления денежных знаков, финансовые работники отвечали, что она «вызвана стремлением литографии достичь безукоризненной художественной выработки», в результате чего «переделывают по несколько раз»⁶⁰.

Работы начались в марте 1918 г.; печатались чеки на плотной белой бумаге без водяных знаков. Трех-, пяти- и десятирублевые купюры были одинакового размера, но различались по цветовой гамме, традиционной для русских денежных знаков: зеленые трехрублевки, синие пяти- и красные десятирублевки. Главным отличием бала декоративная виньетка с гербом Архангельской губернии на обратной стороне купюр. На 25-рублевых билетах для «северной экзотики» помещались изображения белого медведя и моржа (что послужило поводом все архангельские деньги называть «моржовками»).

Контроль за изготовлением денег осуществляли присланные из Архангельска специалисты: «По окончании [ежедневного] изготовления, клише и все пластинки запечатывались сургучными печатями и уносились в кладовую типографии. Чистая бумага сдавалась на машины под расписку мастеров, под расписку и принималась. Ежедневно листы просчитывались и запечатывались сургучными печатями Архангельского отделения Госбанка и типографии... При передаче на резку пересчитывались, разделялись на сотни листов, резались в присутствии представителей [АО Госбанка и типографии]... Готовые [купюры] зашивались в тюки, отправлялись в Архангельск или на хранение в отдел кредитных билетов»⁶¹.

Всего было отпечатано 11 137 400 экземпляров чеков общим номиналом 120 893 328 руб.; стоимость изготовления обошлась губисполкому в 675 тыс. руб., т. е. немногим более 6 коп. за чек. Купюры были нарезаны и упакованы в 169 тюков и 16 ящиков⁶², которые хранились в кладовых отдела кредитных билетов (кребиль) в Петрограде и московской конторы Государственного банка.

Первая партия денежных знаков была благополучно доставлена в Архангельск в мае 1918 г. в особом охраняемом вагоне вместе с литографическим камнем, клише и другими принадлежностями для изготовления чеков, а также бракованными знаками и остатками бумаги, которые были переданы на хранение в кладовую АО Госбанка и сразу же выпущены в обращение.

«Финансовая свобода» просуществовала недолго. Ревизия комиссара М. С. Кедрова постановила регистрировать все «моржовки» в центральных учреждениях банка и вывозить их в Архангельск оттуда, а не прямо из типографии⁶³. Из изготовленных 120,9 млн в оборот пустили примерно четверть — 26,7 млн руб.⁶⁴

«Моржовки» позволили немного смягчить финансовую ситуацию в губернии. Были опасения, что население начнет их бойкотировать, поэтому предварительно велась разъяснительная компания, в частности давалось обещание, что при выезде из губернии граждане смогут обменять имеющие только местное хождение денежные знаки на общегосударственные деньги. В связи с отсутствием наличности предлагалось делать вклады в сберкассы или переводы по почте⁶⁵. Поскольку проблема с наличностью существовала по всей стране, такой совет оказался бесполезным, да и почтовые переводы вскоре стали облагаться 1 %-ным сбором.

Налоговое бремя, регулярные «чрезвычайные» обложения, невыполненные обязательства, нарастающая безработица и дефицит предметов первой необходимости, в первую очередь продовольствия, способствовали росту социального напряжения. Произошедший 1–2 августа 1918 г. переворот, осуществленный при поддержке интервентов, основной массой населения был встречен с воодушевлением. Считается, что переворот стал неожиданностью и советские учреждения эвакуировались в Котлас и Вологду в спешке. В этом смысле показательно, что губернский комиссар финансов начал готовить эвакуацию казначейства уже 5 июля⁶⁶. Был назначен специальный пароход для вывоза ценностей губернского казначейства и документов отделения Народ-

ного банка (бывшего Государственного и слитых с ним коммерческих). Однако эвакуация происходила уже в условиях переворота. Вооруженные повстанцы не рисковали нападать на красноармейцев, но следили за их действиями. Красноармейцы окружили здание банка, на подходах к нему поставили пулеметы. Представители губисполкома «зашли в банк и потребовали от заведующего открыть кладовые с ценностями. Заставили сотрудников, слонявшихся без дела от стола к столу, нагружать ценности на грузовые автомобили»⁶⁷. Как следует из воспоминаний участников эвакуации, ценности прятались в пухлые архивные папки и выносились из здания как обычная документация. Сведения о том, сколько денег вывезли из Архангельска в Котлас и далее в Вологду, разнятся: от 450 млн до «50–60 пудов в монетах и слитках», остальное — «бумажками» и другими ценностями (например, на пароход были погружены «4 ящика серебряной посуды с губернаторским гербом») ⁶⁸.

Неточность сведений в какой-то степени связана со странной судьбой этих ценностей во время транспортировки. Так, военные моряки, вместо того чтобы защищать Архангельск, «поддались кучке недовольных шкурников» и бросились вдогонку за пароходами, увозившими советские учреждения. Они не упускали из виду «Рюрик», вывозивший деньги, периодически направляя на борт группу вооруженных людей во главе с комиссаром П. Т. Шилкиным. В такой нервной обстановке пришли в Котлас, где местные власти не решились принимать казну; тогда решено было идти в Великий Устюг. Пока велись эти переговоры, другие пароходы ушли далеко вперед, чем и воспользовались революционные матросы; они «пришвартовались и перешли на [пароход с казначейством], таща за собой пулеметы, ящики с патронами и гранатами... заявив, что исполкомовцы захватили все ценности, хотят поделить их между собой и... ничего не дать [им]»⁶⁹, а также потребовали немедленного расчета и «уплаты аварийных денег». В действительности «матросы хотели деньги взять, разделить и разъехаться по домам». Судя по объяснениям членов губисполкома, им не оставалось ничего другого, как расплатиться с моряками золотом и другими ценностями, поскольку от бумажных денег те отказались⁷⁰.

Впрочем, и бумажные деньги продолжали сохранять в глазах людей свою магическую силу: например, с их помощью в Архангельске проводились государственные перевороты. 1 августа 1918 г. ротмистр Берс, командир отряда, принимавшего активное участие в свержении советской власти, захватил в штабе Красной армии 5 млн руб., присланных из Москвы для организации обороны города, объявив их «военным призом отряда, подлежащим разделу за оказанные при перевороте услуги». Выяснилось, что Берс, формируя отряд, говорил: «За свержение большевиков англичане и французы обещали деньги... Полковник Мелиа заявил, что бить большевиков он всегда готов, а за деньги, так с большим удовольствием»⁷¹.

Деньги сохраняли значение и для большевиков: в документах Архангельской организации РКП(б) имеются смутные намеки на предоставление больших сумм подпольщикам, чья работа должна приблизить день освобождения Архангельска⁷².

Во время эвакуации из Архангельска были вывезены не только ценности, но и — принудительно — финансовые работники. В более чем сложных условиях им приходилось налаживать свою работу в Вологде. Первые месяцы, пока не был создан Северный фронт и расходы по оборонным мероприятиям не взяло на себя государство, финансирование партизанских отрядов и тыловых учреждений «производилось за счет эвакуированных ценностей»⁷³.

Не лучше обстояли финансовые дела и в Северной области (так стала именоваться часть Архангельской губернии, находившаяся под управлением белого правительства и под контролем военных сил интервентов). Председатель нового правительства Н. В. Чайковский отмечал, что «аппараты... денежного обращения пришли в полное расстройство»⁷⁴. Банки были денационализированы, но работать им пришлось в сложных условиях. «[Большевики увезли] все ценные бумаги, векселя, книги, из Казначейства увезены даже все гербовые марки, все вексельные бланки, вся актовая бумага и проч., увезены даже местные Архангельские дензнаки... увезены все наши шифры. Часть наших книг оказалась также увезенной, теперь мы их восстанавливаем... Увезли даже наши пишущие машинки», — сообщает управляющий местным отделением Сибирского банка⁷⁵. Ситуацию усложняло то, что присланная из Москвы так называемая советская ревизия во главе с комиссаром М. С. Кедровым смогла выявить и вывезти из Архангельска экспортные грузы, поставив банки в сложное положение перед своими доверителями.

Областное правительство (Временное управление Северной областью (ВУСО), затем — Временное правительство Северной области (ВПСО)) первое время было настроено оптимистично. Созданное финансово-экономическое совещание начало готовить денежную реформу «по плану, разработанному в расчете на общегосударственный масштаб»; отмечалось, что союзники «придают большое значение правильному разрешению финансовых вопросов Северной области и командировали сюда для этой цели представителей финансовых кругов, а также уже разработали проект мероприятий по урегулированию денежного обращения в России»⁷⁶. Архангельское отделение Госбанка было переоформлено в Государственный банк Северной области (ГБСО, или ОГБ — Областной государственный банк), который принял на себя «долг общероссийскому Банку, и в дальнейшем... работает самостоятельно»⁷⁷. Чтобы не допустить финансовой неразберихи, при занятии территорий военные власти изымали наличность в местных казначействах или в кассах волостных исполкомов, оставляя сумму, необходимую на обычные расходы в течение месяца (определяя ее по расходным документам)⁷⁸.

Спустя два месяца своей работы правительство отмечает: «Положение ОГБ на заграничном рынке вполне устойчивое и все более и более упрочивается. Доверие к нему крепнет среди заграничных кредитных учреждений и широких финансовых кругов. В Норвегии на бирже стал котироваться наш рубль, и его положение укрепились... Финансовое положение ОГБ вполне надежно; в нем заложено ценностей на 50 млн руб.»⁷⁹.

Под залог хранившегося в Англии золотого запаса России (который, кстати, начали перевозить туда осенью 1914 г. через Архангельск, но в связи с минной

опасностью эти операции были перенесены во Владивосток⁸⁰) Английский банк должен был напечатать так называемые северные деньги, которые поступили в Архангельск далеко не сразу. Первое же время правительство столкнулось с полным отсутствием любых денежных знаков. Даже после всех контрибуций и реквизиций на руках у населения оставалось достаточно денег⁸¹, надо было лишь найти способ активно включить их в оборот. Заведующий отделом финансов И. А. Куракин докладывал на заседании правительства: «Финансовое положение Северной области затруднительное, но не безнадежно. Необходимо поднять внутри страны доверие населения к нашим финансам. Это создаст приток вкладов в сберкассы и Госбанк и тем самым ослабит остроту денежного кризиса, вызванного недостатком денежных знаков»⁸².

Население информировалось, что «деньги уже печатают в Англии», а до их получения предлагалось сдавать имеющуюся на руках наличность в обмен на обязательства правительства, выпущенные «ввиду недостатка денежных знаков в Северной области, крупная сумма которых вывезена большевиками... в целях удовлетворения неотложных нужд ВУСО для восстановления деятельности Госбанка, казначейства, правительственных, городских, земских учреждений, а равно в целях поддержания и развития хозяйственной и промышленной деятельности края»⁸³.

Это был так называемый заем доверия — краткосрочные 5%-ные обязательства, выпущенные сроком на 6 месяцев на сумму 10 млн руб., освобожденные, чтобы стать привлекательными для людей, от уплаты государственного сбора. Действительно, первое время заем вызывал доверие у населения, надеявшегося на обретение какой-то стабильности.

Впрочем, кредит доверия не был оправдан, и вскоре в народе облигации стали пренебрежительно называть «чайковками» (по фамилии председателя правительства Н. В. Чайковского). Уже 22 сентября 1918 г. специальным постановлением облигации объявляются платежным средством. 12 февраля 1919 г., когда истек срок хождения первых выпусков займа (в общей сложности на 70 млн руб.), было постановлено о хождении «чайковок» наравне с кредитными билетами.

Всего изготовили и выпустили в обращение купюр на сумму 430 607 400 руб., и на момент восстановления в регионе советской власти в обращении оставалось около половины этих суррогатов⁸⁴. «Чайковки» печатались в местной типографии (в Архангельском краеведческом музее сохранились литографические камни), на бумаге большого размера, покрытой с одной стороны сетчатым декором разных цветов, в зависимости от номинала. Бланки облигаций печатались так интенсивно, что советской власти досталось большое количество неразрезанных листов, которые еще долго использовались для канцелярских надобностей, поскольку обратная сторона листов была чистой.

Полностью решить проблему недостатка наличности заем не мог. За несколько месяцев советской власти у большинства обеспеченных людей различными способами изъяли наличные, а хранившиеся в кредитных учреждениях деньги увезли. Параллельно с «чайковками», выпускавшимися высокими номиналами, в качестве разменных денежных знаков правительство было

вынуждено использовать царские и советские деньги, предварительно подвергнув их регистрации⁸⁵. Предполагалось, что, когда рынок насытится новыми деньгами, обмен старых купюр будет осуществляться только в том объеме, в котором гражданин успел их зарегистрировать.

Особое опасение у правительства вызывали «моржовки», которых на советской территории, по некоторым сведениям, могло быть на сумму от 70 до 100 млн руб. За пределами губернии они хождения не имели, поэтому существовала опасность их интервенции на территорию Северной области, где они продолжали использоваться как платежное средство. Их подвергали регистрации в первую очередь.

Предпринимались и другие меры по оздоровлению финансовой ситуации. Вывоз денег за границу ограничили суммой в 5 тыс. руб., внутри страны (по договоренности с другими белыми правительствами) — 1 тыс. руб. Было введено ограничение на выдачу наличных в банках до 300 руб. Всю находившуюся в казначействах наличность слили в единый правительственный фонд. Постоянно происходили различные сборы с банков, крупных торговцев, биржевого комитета, союза кооператоров, что вызывало возмущение внутренней политикой даже со стороны представителей торгово-промышленных кругов.

Был введен принудительный курс валюты («80 руб. за фунт стерлингов, что вполне отвечает стоимости экспортируемых [Северной областью] леса, замши, мехов, смолы»⁸⁶). Сразу началась спекуляция валютой («фунты котируются на чеки около 120 руб., наличными 150 руб.»⁸⁷), поэтому впоследствии все валютные операции перешли в ведение правительства. Получить валюту выезжающим в командировку или для торговых целей за границу можно было в результате длительных согласований. Чем хуже становилась ситуация на фронте, тем чаще происходило невозвращение командированных лиц.

Валюту стремились забрать у населения любыми способами. Продажа дефицитных товаров, например спиртного, осуществлялась прямо из здания ГБСО, и только за валюту (прообраз советских торгсинов, которые только назывались «торговля с иностранцами», а в действительности занимались извлечением у населения ликвидных ценностей и валюты). Заведующий отделом финансов, торговли и промышленности Каменецкий делился опытом со своими коллегами в Ростове-на-Дону: «С целью заставить отдельных лиц предоставить нам валюту Госбанк потребовал от кредиторов покрыть счета в банке. Не имея рублей, они принуждены сдавать валюту... Вся вывозная валюта сосредоточена в руках Правительства, вывоз товаров разрешается только против обязательства внести Госбанку вырученную валюту. Расходование валюты производится исключительно на предметы первой необходимости, каждый раз с разрешения Отдела финансов. Эта политика проводится с исключительной твердостью, вплоть до предания военному суду лиц, уклоняющихся от сдачи валюты по выданным обязательствам»⁸⁸.

Формально существовала система переводов денег между территориями России, контролируемые белыми правительствами. В каждом крупном центре открывалось отделение, в которое целенаправленно переводились деньги из другой белой территории⁸⁹. Это было связано, в частности, с необходимо-

стью для офицеров поддерживать свои семьи, оказавшиеся в других частях расколотой Гражданской войной страны. В реальности осуществить такие переводы, даже через иностранные банки, было практически невозможно, поэтому офицеры предпочитали передавать деньги своим семьям с оказией.

Значительная часть офицеров в Архангельске и Мурманске приехали сюда из Европы после освобождения из плена. Они не застали революционных событий в России, поэтому многое им было внове. Один из таких офицеров сообщал в декабре 1918 г. своему товарищу, оставшемуся за границей: «Финансовая сторона [такая]: легионерам платят союзники, кормят и одевают (все, конечно, в счет будущего русского императора). Состоящим на русской службе платит правительство. И тем, и другим исключительно “моржовками”... Жалование выдается исключительно “моржовками” и еще хуже — керенками»⁹⁰. «Золото отошло в область предания. Деньги за границу можно посылать только с верным человеком и оказией»⁹¹.

В целом положение с деньгами было сложным и запутанным. По словам анонимного дипломата, заведующий отделом финансов ВПСО И. А. Куракин так представлял ему свое положение в начале 1919 г.: «Каково быть управляющим Государственным банком при наличности четырех типов монетных единиц с различным курсом? Здесь находятся в обращении царские рубли — один курс, самый высокий; пресловутая керенка, рубли — ассигнации Северного правительства, и английские рубли с постоянным курсом. Курсы первых трех постоянно меняются, и мы ничего с этим не можем поделать. Есть от чего сойти с ума!..»⁹²

Наиболее надежным платежным средством в Северной области были «северные деньги»; собственно, с их помощью и предполагалось оздоровление финансового положения области. Эти деньги выпускались под гарантии и на кредит Английского банка, и, хотя «обязательство банка о курсе... не было подписано на купюрах финансовым представителем англичан»⁹³, относительно твердый курс «северных денег» (40 руб. за фунт стерлингов) держался достаточно долго.

Пополнение кредита происходило за счет валюты, полученной пограничными платежами. Например, коммерсанты «вырученную за рубежом валюту... передавали в Английский банк для обеспечения “северных денег”, а в Архангельске получали эквивалент сданной валюты в северных рублях»⁹⁴. По свидетельству управляющего отделом внутренних дел ВПСО В. И. Игнатьева, и зарубежные фирмы, «ведущие дела в Северной России, вносили в Английский банк суммы фунтов стерлингов специального назначения для торговых отношений с Севером. В соответствии с образовавшимся золотым фондом выпускалось определенное количество северных рублей, и около 30 % сверх количества, обеспеченного золотым запасом, — этот излишек поступал в распоряжение правительства»⁹⁵.

Выпускавшая деньги Северной области государственная эмиссионная касса начала работать 11 ноября 1918 г. под контролем английских наблюдателей. 16 декабря ВПСО выдало ей первое обязательство на 2 млн руб., беря на себя и возлагая «на всякое другое правительство, которое законно его заменит

и будет признано союзниками», ответственность, «что ссуда... будет погашена в течение пяти лет, т. е. до 16 декабря 1923 г.». Предполагалось, что долг будет выплачен местными деньгами или английской валютой из расчета 1 фунт стерлингов за 40 рублей Северной России⁹⁶. «Северные деньги» печатались по эскизам «николаевских купюр», только орлы на них были заштрихованы и была сделана надпечатка «Северная Россия». На купюрах крупного достоинства вместо царских портретов были помещены мифологические женские изображения. Так, на самой ходовой 25-рублевой купюре поместили валькирию — северную женщину-воительницу.

Северная область, получив относительно твердую внутреннюю валюту, оказалась вместе с тем в финансовой и экономической зависимости от Англии, представители которой взяли на себя закупку всего необходимого для региона, не допуская конкуренции более дешевых поставок, которые предлагали, например, Франция или Италия⁹⁷.

Вскоре, несмотря на существенную помощь (например, интервенты взяли на себя финансирование военных операций, оплачивали все расходы за использование инфраструктуры; англичане обязались приобретать кредитные билеты Северной области на сумму не менее 25 млн руб. ежемесячно, и т. д.⁹⁸), ситуация ухудшилась. Норвежцы пользовались тяжелым положением соседей, которые готовы были на любых, самых невыгодных для себя условиях закупать у них продовольствие. Фактически прекратился прежний бартерный обмен; норвежцы требовали деньги, причем не только валюту, но и «николаевские», а также «северные», которые гарантировали англичане. «[В Норвегии] имеется целая организация, скупающая наши деньги, — сообщал председатель отдела внешней торговли весной 1919 г. — Закупка [товаров] идет на наличные русские знаки, которые реализуются через банки. Знаки [из Архангельска] вывозятся на судах»⁹⁹. Англичане, казалось бы, взяли на себя обеспечение Северной области продовольствием, поскольку валютные операции были сосредоточены в их руках, но закупали очень плохой товар (по словам русского чиновника, «цинично отзываются — все это съедят русские свиньи!»¹⁰⁰).

Выпуск северных денег был прекращен 15 сентября 1919 г. в связи с уходом интервентов. Эмиссионную кассу перевели из Архангельска в Мурманск, и она приступила к сворачиванию своей деятельности. Началось резкое понижение курса. Имевшиеся на руках у населения «северные деньги» какое-то время обменивались на валюту (фунты стерлингов и франки), но с 15 октября — только на другие денежные знаки: за 100 «северных рублей» давали 200 руб. «чайковками». Для выплат по своим долгам интервенты оставили на Мурмане деньги¹⁰¹ в различных знаках (кроме «северных рублей»), однако эти расчеты предстояло осуществлять уже советской власти.

Итак, на последнем этапе существования Северной области финансовая ситуация была неустойчивая. Дважды в месяц, 1 и 15 числа, устанавливался новый курс местных денег, исходя из которого и выплачивалось жалование наемным служащим и рабочим, возрастающее таким образом в номинальном значении.

Расходы по содержанию армии и тыла легли теперь на Северное правительство. Стремясь изъять деньги у населения, оно поднимало налоги, делая упор на косвенные сборы. Был введен 25 %-ный налог на увеселительные мероприятия; поднят акциз на фруктовые и искусственные минеральные воды; увеличен тариф на железнодорожные перевозки. Отменено ограничение военного времени на предметы роскоши, которые облагались высоким акцизом; вина, например, продавали прямо в здании ГБСО — и это стало чуть ли не важнейшим источником доходов.

Население, в первую очередь торговцев, стали ограничивать в вывозе из Северной области не только валюты, но и любых других общегосударственных денег. Постепенно все внутренние операции стали переводить на «чайковки», не имевшие никакой ценности за пределами области.

Вновь началось падение доверия населения к деньгам: «[Приезжающие в город] крестьяне... скупают все в лавках»; «в селах люди скупают в панике ненужные вещи, опасаясь обесценивания денег. Золотые изделия идут по 200–250 руб. за золотник, за серебряную чайную ложку платят 90–100 руб., а за столовую 140–150; шали по 900 руб.»¹⁰². В предчувствии прихода красных население любыми путями добывало «совзнаки», стоимость которых, в отличие от обесцененных в Советской России, вдруг резко поднялась; вновь начали припрятывать ценности, золото, меха¹⁰³.

В июне 1919 г. признается хождение в Северной области общегосударственных кредитных билетов (царских, керенок) и ценных бумаг, выпущенных до 1 декабря 1917 г., но с обязательной перфорацией. Для проведения этой процедуры (пробивание специальным штампом отверстий в форме букв «Г. Б. С. О. ») купюры собрали у населения и увезли в Архангельск. Срок предъявления бумажных денег для перфорации был ограничен, в результате пострадали жители отдаленных селений, военнослужащие дальних и островных гарнизонов, а также находящиеся в плавании. Пострадали жители Норвегии, имевшие на руках много русских денег (из письма консула: «Для перфорации установлен слишком короткий срок, и при существующей почтовой связи норвежские граждане не смогут переслать деньги»¹⁰⁴).

Наметившаяся в связи с этим паника, которая подогревалась красными агитаторами (будто бы белое правительство с изъятими народными деньгами намеревается убежать за границу¹⁰⁵), лишний раз свидетельствует о роли, которую эти «цветные бумажки» продолжают играть в переломные исторические периоды: возникшие настроения в значительной степени поспособствовали бунтам в белых полках и пассивности жителей при продвижении Красной армии, что в конце концов и решило судьбу Северной области в феврале 1920 г.

После падения Северной области на руках у населения оказалось огромное количество «чайковок», аннулированных 14 марта 1920 г. советской администрацией. Население, учреждения, предприятия обязаны были сдавать их без какой-либо компенсации: бескомпромиссно заявлялось: «Частным лицам, даже рабочим, [чайковки] обмениваться не будут»¹⁰⁶. Исключение делалось для «впавших в крайнюю бедность»: крестьянам разрешалось какое-то время выдавать продовольственный пайки бесплатно, а «служащим и рабочим

в возмещение понесенным ими некоторых материальных затруднений от аннуляции дензнаков», — выдавать небольшие пособия¹⁰⁷. «Чайковки» же, свозившиеся со всех уголков губернии мешками, несколько дней жгли на окраине города, в укромном месте на берегу Северной Двины¹⁰⁸. Не выпущенные в оборот «чайковки» еще какое-то время использовали в качестве писчей бумаги.

Оказавшись совершенно без наличных денег и не осознавая еще, насколько советские деньги подвержены обесцениванию, жители Архангельска и губернии продавали красноармейцам за советские расчетные знаки продукты питания, бытовые предметы и одежду.

Дольше всего сохранялось доверие к «николаевским» деньгам. С этим столкнулись участники войны с Польшей (туда в связи с прекращением гражданской войны на Севере были отправлены красноармейские части из Архангельской губернии). Во время боевого похода и даже в период интернирования на территории Германии они почти свободно могли приобретать необходимое на царские деньги (если таковые у них имелись)¹⁰⁹. Аннулированные на территории Советской России, эти деньги использовались на отделившихся окраинах Российской империи и продолжали сохранять доверие у иностранцев.

Таким образом, по обе стороны фронта складывалась примерно одинаковая финансовая ситуация; схожей была и политика властей по преодолению денежного кризиса. Организованная по рекомендациям опытных финансистов, эта политика осуществлялась во всех странах военной и послевоенной Европы, но имела как национальные, так и региональные особенности. Схожими были и реакции населения на отсутствие равновесия в денежной сфере.

Особенно сложной оказалась ситуация с деньгами при смене политического руководства, что в Архангельске происходило несколько раз: революционные изменения в 1917 г., захват власти Советами в марте 1918 г., вооруженные перевороты в августе 1918 и в феврале 1920 г.

Если в 1917 — первой половине 1918 г. государство сохраняло относительную целостность и местные денежные суррогаты находились в зависимости от центральной финансовой системы, то в период Гражданской войны, когда возникло несколько государственных центров, денежно-финансовые отношения стали чрезвычайно запутанными.

В этих условиях население, с одной стороны, продолжало оставаться в зависимости от денег (например, не имея возможности отказаться от трудовой повинности и военных реквизиций, оплата по которым проходила исключительно в денежной форме); с другой — переставало им доверять, признаком чего было, например, широко развитое любительское фальшивомонетчество и связанное с этим мошенничество. Так, в Печорском уезде в 1918 г. некий «старик подговорил бабу делать фальшивые деньги. Она отдала ему будто бы 120 руб., и он с ними бежал»¹¹⁰. В 1919 г. в Архангельске появились грубо сделанные фальшивые «северные рубли»¹¹¹.

И в белых, и в красных правительствах финансами руководили нередко совершенно случайные люди. В Архангельске в первой половине 1918 г. комиссаром (заведующим отделом) финансов стал рабочий лесопильного завода А. П. Рудкин (1895–1920), уроженец пригородной деревни, образование кото-

рого ограничивалось «шестью зимами» сельской школы. Вопрос денег оставался важным, но финансы, судя по всему, считались делом второстепенным. Поставленный комиссаром в АО Госбанка Дмитриев так объяснял в начале 1918 г. свое положение: «Мне страшно тяжело как не знающему финансового дела, просил помощника, но мне не дают, мне не помогают»¹¹². Впрочем, оказавшись в зависимости от Наркомфина во время эвакуации, губисполком к финансовым вопросам стал относиться внимательно, и заведующим отделом был поставлен опытный специалист А. А. Герман (перебежчик из коммерческого банка, который консультировал проведение национализации таких банков).

В Северной области общая финансовая политика осуществлялась финансово-экономическим совещанием (председатель — генерал С. С. Савич; затем — управляющий АО Петроградского международного банка и председатель возникшего в 1917 г. и продолжавшего действовать при белом правительстве Комитета представителей акционерных коммерческих банков в Архангельске Ф. Ф. Ландман). Управляющим отделом финансов в первом составе правительства был эсер, член Учредительного собрания от Казанской губернии Г. А. Мартюшин, затем — кадет, земский служащий Вологодской губернии П. Ю. Зубов. Впоследствии по предложению союзников эту должность занял депутат III Государственной думы князь И. А. Куракин, который тяготился своими обязанностями. По словам генерал-губернатора Северной области В. В. Марушевского, Куракин был «в отделе финансов человек новый и малоопытный. Бремя, которое он нес, было бы непосильно трудным в том состоянии Северной области и для финансиста первой величины»¹¹³. Он «представлял несомненную гарантию честности, порядочности и патриотизма», но «сразу почувствовал себя не на своем месте, не будучи финансистом и разобравшись в архангельской неразберихе»¹¹⁴. В личной беседе Куракин так объяснял свое положение (в чем-то перекликавшееся с положением его предшественника, комиссара Дмитриева): «Мой персонал весьма ненадежный и недоверчивый. Мой титул и прошлое им далеко не импонируют, наоборот. Поддержки я ниоткуда не имею»¹¹⁵. После отъезда Куракина в ставку А. В. Колчака управляющим отделом финансов, торговли и промышленности стал инженер Н. И. Каменецкий, на которого пали сложности по проведению очередной финансовой реформе, связанной с изъятием из оборота обеспеченных золотовалютным запасом «северных денег».

Несмотря на схожесть действий региональных властей в сфере денежно-финансовых отношений, следует признать, что советские руководители действовали более жестко, четко соблюдая при этом «классовый принцип», тем самым заставляя большую часть населения вынужденно поддерживать советскую власть.

Правительство же Северной области, проводя внутреннюю политику, в том числе в экономической и денежно-финансовой сферах, нацеленную на поддержание «классового мира», в итоге своими половинчатыми действиями настроило против себя все слои населения.

- ¹ Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985) // Крестьяноведение: теория, история, современность: ежегодник. 1996. М., 1996. С. 39.
- ² Пиккуль В. С. Из тупика. Т. 1. М., 1992. С. 100–101.
- ³ Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.; Л, 1924. С. 106.
- ⁴ Там же. С. 113–114.
- ⁵ Назовем некоторые исследования последнего времени: Рышков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; Ипполитов С. С. Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 33–38; Карпенко С. В. «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 84–98; Денисов И. Ю. Денежное обращение и денежно-финансовая политика на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1917–1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010; Алямки А. В. Денежное обращение в контексте политической и социально-экономической жизни Зауралья в 1914–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2006; и др.
- ⁶ В частности, ни одно исследование, касающееся Гражданской войны на Европейском Севере России, не обходит стороной проблему денежной политики белых правительств. Выделим работы, специально посвященные финансовой теме: Овсянкин Е. И. Архангельские деньги. Из истории денежного обращения на Русском Севере. Архангельск, 2008; Паромонов О. Моржовки // Родина. 2002. № 2. С. 86–89; Трошина Т. И. История финансового управления и денежного обращения на Архангельском Севере. Архангельск, 2006.
- ⁷ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Соколов Е. Н. Денежная и бюджетная политика Советской Республики в 1917 — начале 1921 г. Рязань, 2012.
- ⁸ Ходяков М. В. Деньги Революции и Гражданской войны: денежное обращение в России, 1917–1920. СПб., 2009; 3-е изд. СПб., 2019.
- ⁹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1384. Л. 336.
- ¹⁰ Архангельск: ежедневная городская газета. 1915. 19 нояб.
- ¹¹ ГААО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 477. Л. 395.
- ¹² Данишевский И. И. Народное хозяйство нашего Севера. Архангельск, 1919. С. 7.
- ¹³ Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1927. С. 26.
- ¹⁴ Деревня и город // Вологодский листок. 1916. 8 мая.
- ¹⁵ Из жизни Олонии // Олонецкая неделя. 1916. 3 апр.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 183.
- ¹⁷ Никольский край: газета культурно-просветительского кружка [Никольск, Вологодская губерния]. 1917. 1 окт.
- ¹⁸ Каценеленбаум З. С. Денежное обращение России. 1914–1924. М., 1927. С. 39.
- ¹⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 (см. также: Л. 2–4).
- ²⁰ Там же. Л. 3.
- ²¹ Никольский край. 1917. 22 окт.
- ²² Там же. 1 окт.
- ²³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3953. Л. 2.
- ²⁴ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 12 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 78. — Схожая ситуация с доставкой наличности была, например, в Сибири (Рышков В. М. Попытка унификации денежного обращения на Востоке России во второй половине 1918–1919 гг.: экономические и социальные аспекты финансовых реформ // Экономическая история: ежегодник. 2009. М., 2009. С. 106–108).
- ²⁶ ГААО. Ф. 4097. Оп. 1. Д. 19-а. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 78–79.
- ²⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5221. Л. 531.
- ²⁹ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

- ³⁰ Там же. Л. 50 об.
³¹ Там же. Л. 34 об.
³² Там же. Д. 2. Л. 36; Ф. 213. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
³³ См. об этом: *Рышков В. М.* Попытка унификации денежного обращения... С. 108.
³⁴ ГААО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 78–79.
³⁵ Там же. Д. 5. Л. 2.
³⁶ Там же. Л. 4.
³⁷ Там же. Л. 2.
³⁸ Там же. Д. 113. Л. 78–79.
³⁹ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.
⁴⁰ Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об.
⁴¹ Там же. Д. 19. Л. 291–291 об.
⁴² Там же. Д. 2. Л. 34.
⁴³ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
⁴⁴ Там же. Ф. 221. Оп. 5. Д. 2. Л. 3.
⁴⁵ Там же. Л. 4.
⁴⁶ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 102. Л. 36.
⁴⁷ Там же. Л. 7.
⁴⁸ Там же. Д. 101. Л. 1 об.
⁴⁹ Там же. Д. 5. Л. 5.
⁵⁰ Там же. Л. 6.
⁵¹ Там же. Д. 94. Л. 22.
⁵² Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
⁵³ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
⁵⁶ Там же. Л. 92.
⁵⁷ Там же. Д. 113. Л. 20–21.
⁵⁸ Там же. Л. 12.
⁵⁹ Каталог бумажных денежных знаков (бон). URL: http://www.fox-notes.ru/img_rus/1_k3_vp_akz.htm (дата обращения: 10.12.2018).
⁶⁰ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 75. Л. 63.
⁶¹ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 113. Л. 20–21.
⁶² Там же. Л. 3, 6.
⁶³ Там же. Л. 23 об.
⁶⁴ Там же. Л. 78–79.
⁶⁵ Там же. Д. 112. Л. 6.
⁶⁶ Там же. Ф. 221. Оп. 4. Д. 19. Л. 37–49.
⁶⁷ ГААО. Отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО. ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 260.
⁶⁸ Там же. Д. 412, 441.
⁶⁹ Там же. Д. 260. Л. 9.
⁷⁰ Информация об этом инциденте присутствует в воспоминаниях советских служащих, а также самих матросов: ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 68, 150, 260, 332.
⁷¹ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
⁷² ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–16; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 143. Оп. 1. Д. 38. Л. 9 об.
⁷⁴ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
⁷⁵ ГААО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 101. Л. 3–4.
⁷⁶ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
⁷⁷ Там же. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.
⁷⁸ ГААО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 101. Л. 7–9.

- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.
- ⁸⁰ *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти... С. 37.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
- ⁸² Там же. Л. 5–6.
- ⁸³ Собрание № 1 узаконений и распоряжений Временного управления и Временного правительства Северной области. Архангельск, 1919.
- ⁸⁴ ГААО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 13. Л. 1.
- ⁸⁵ Постановление ВУСО от 1 сентября 1918 г. // Собрание № 1 узаконений и распоряжений Верховного управления и Временного правительства Северной области. Архангельск, 1919.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5237. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. Л. 10.
- ⁹⁰ Там же. Ф. Р-6003. Оп. 1. Д. 24. Л. 91.
- ⁹¹ Там же. Л. 92а об.
- ⁹² *Ревлюотти Л. Х.* Архангельск: рассказ из былого // Возрождение: литературно-политический журнал [Париж]. 1957. № 72. С. 47–48.
- ⁹³ *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны // Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Вып. 1 / сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993. С. 145.
- ⁹⁴ ГААО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 240. Л. 1.
- ⁹⁵ *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги... С. 145.
- ⁹⁶ ГААО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 13. Л. 3, 74.
- ⁹⁷ См. об этом: *Минц И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931. С. 131–133.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 7 (см. также: Л. 5–7).
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 6.
- ¹⁰¹ ГААО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 13. Л. 74.
- ¹⁰² Русский Север: ежедневная газета [Архангельск]. 1919. № 5.
- ¹⁰³ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Архангельск в дни бегства белогвардейцев.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.
- ¹⁰⁵ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918–1920: мемуары и документы. Вып. 2. Архангельск, 1993. С. 55.
- ¹⁰⁶ ГААО. Ф. 221. Оп. 4. Д. 74. Л. 59.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 53. Л. 59.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 74.
- ¹⁰⁹ Подробнее см.: *Трошина Т. И.* «Интернированная» красная армия в Германии в 1920–1921 гг. Об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны: монография. Архангельск, 2016. С. 74–76.
- ¹¹⁰ Дневники революции // Арт: Коми республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал [Сыктывкар]. 2017. № 3. С. 116.
- ¹¹¹ Русский Север: ежедневная газета [Архангельск]. 1919. № 9.
- ¹¹² ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 291, 291 об.
- ¹¹³ *Марушевский В. В.* Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Вып. 1 / сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993. С. 206.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Ревлюотти Л. Х.* Архангельск... С. 48.

Статья поступила в редакцию 13 января 2019 г.

Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Трошина Т.И. «Кровь экономики» в эпоху кровопролития: денежно-кредитные импровизации на Архангельском Севере в 1914–1920 гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 830–857. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.401>
УДК 94(47).08

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть один из аспектов государственного строительства в условиях Гражданской войны. Объектом исследования, позволяющим раскрыть этот аспект, избрана денежно-кредитная система, которая подвергалась разрушению в условиях революции и вновь восстанавливалась для обеспечения функционирования различных политических режимов. В качестве примера взята Архангельская губерния, где на протяжении 1917–1920 гг. несколько раз происходила смена власти. Этот регион отражает как общие для всей страны, так и достаточно уникальные процессы. Во время Первой мировой войны здесь существенно возросла роль денег в повседневной жизни населения. Приграничное расположение губернии способствовало частному вывозу денег из России в период революции 1917 г., что спровоцировало кризис наличности и заставило власти предпринять ряд чрезвычайных мер, в том числе выпуск собственных денежных знаков, имевших хождение только на территории губернии. В течение Гражданской войны денежно-кредитная система восстанавливалась в своеобразных условиях квазигосударства, находившегося в военно-политической и финансово-экономической зависимости от иностранных держав. История денег в статье — фон для политических, экономических и культурных событий, что демонстрирует особое значение денежных знаков во времена социальных потрясений. Рассматривая ситуацию на Архангельском Севере, следует признать, что советская власть действовала жестко, четко соблюдая при этом «классовый принцип», тем самым заставляя большую часть населения поддерживать себя. Правительство же Северной области, проводя внутреннюю политику, нацеленную на поддержание «классового мира», в том числе в экономической и денежно-финансовой сфере, в итоге своими половинчатыми действиями настроило против себя все слои населения.

Ключевые слова: денежное обращение, денежные суррогаты, Архангельская губерния, Первая мировая война, революция, 1917 год, Гражданская война, региональная финансовая политика, деньги.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.».

Сведения об авторе: Трошина Т.И. — д-р ист. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; проф., Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия); tatr-arh@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Северный государственный медицинский университет, Россия, 163000, Архангельск, пр. Троицкий, 51

FOR CITATION

Troshina T.I. “The Blood of the Economy” in the Era of Bloodshed: Monetary Improvisation in the Arkhangelsk Province in 1914–1920’, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 830–857. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.401>

Abstract: Using the case of the Arkhangelsk province, this article explores one aspect of state-building during the Russian Civil War, using the history of the circulation of money. The state financial system was destroyed during the Revolution and was restored several times to ensure the functioning of various political regimes. The Arkhangelsk Province, where power changed hands several times from 1917 to 1920, power changed hands reflects processes common to the whole country and unique to the region. During the First World War, there was a significant increase in the role of money in the daily life of the population. The border location of the province

meant that in 1917, money was exported abroad by individuals through its territory. This led to a cash crisis in the province. The authorities were forced to take a series of emergency measures, including issuing their own money that was in use only in this province. During the Civil War, the monetary system was again restored under the peculiar conditions of a quasi-state in a condition of military-political and financial-economic dependence on foreign powers. This "history of money" is a background for events of a political, economic, and cultural nature that demonstrates the particular significance of the money during crucial periods of history.

Keywords: money circulation, money substitutes, Arkhangelsk province, World War I, Revolution, 1917, Civil War, regional financial policy, money.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00237 "Global changes in the local dimension: the population of the Northern province and the events of 1917–1918".

Author: *Troshina T. I.* — Dr. Sci. in History, Professor, Northern (Arctic) Federal University; Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk, Russia); tatr-arh@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia

Northern State Medical University, 51, Troitskiy pr., Arkhangelsk, 163000, Russia

References:

- Aliamkin A. V. *Money circulation in the context of the political and socio-economic life of the Zauralie, 1914–1918* [Candidate of History Dissertation] (Kurgan, 2006). (In Russian)
- Danishvskiy I. I. *National economy of our North* (Arkhangelsk, 1919). (In Russian)
- Denisov I. Yu. *Money circulation and monetary policy in the Urals, Siberia and the Far East in 1917–1922* [Candidate of History Dissertation] (Omsk, 2010). (In Russian)
- Dobrovolskiy S. 'The struggle for the revival of Russia in the northern region', *Belyi Sever, 1918–1920: memuary i dokumenty*, iss. 2 (Arkhangelsk, 1993). (In Russian)
- Ignatiev V. I. 'Some facts and results of 4 years of civil war', *Belyi Sever. 1918–1920 gg.: memuary i dokumenty*, iss. 1, comp. V. I. Goldin (Arkhangelsk, 1993). (In Russian)
- Ippolitov S. S. 'Financial Intervention in White Russia', *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1, 2000. (In Russian)
- Karpenko S. V. "Offensive to Moscow" Armed Forces of the South of Russia in 1919: War and Money', *Vestnik RGGU*, no. 17, 2009. (In Russian)
- Katsenelenbaum Z. S. *Monetary circulation of Russia, 1914–1924* (Moscow, 1927). (In Russian)
- Keynes J. M. *The Economic Consequences of the Peace, 1919* (Moscow — Leningrad, 1924) (Rus. ed.).
- Khodjakov M. V. *Money of Revolution and Civil War: money circulation in Russia, 1917–1920* (St. Petersburg, 2009). (In Russian)
- Khodjakov M. V. *Money of Revolution and Civil War: money circulation in Russia, 1917–1920*, 3rd ed. (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Marushevskiy V. V. 'A year in the North (august 1918 — august 1919)', *Belyi Sever. 1918–1920 gg.: memuary i dokumenty*, iss. 1, comp. V. I. Goldin (Arkhangelsk, 1993). (In Russian)
- Mints I. *English intervention and northern counterrevolution* (Moscow — Leningrad, 1931). (In Russian)
- Ovsiankin E. I. "Arkhangelsk money". *From the history of monetary circulation in the Russian North* (Arkhangelsk, 2008). (In Russian)
- Paromonov O. 'Morzhovki', *Rodina*, no. 2, 2002. (In Russian)
- Pikul V. S. *From a dead end*. Vol. 1 (Moscow, 1992). (In Russian)
- Reviolotti L. Kh. 'Arkhangelsk: A story from the past', *Vozrozhdenie*, no. 72, 1957. (In Russian)
- Rynkov V. M. 'Attempts of unification of money circulation in the east of Russia in 1918–1919: economic and social aspects of financial reforms', *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2009* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Rynkov V. M. *The financial policies of the anti-Bolshevik governments in Eastern Russia (the second half of 1918 — the beginning of 1920)* (Novosibirsk, 2006). (In Russian)
- Sokolov E. N. *The monetary and budgetary policy of the Secular Republic in 1917 — early 1921* (Ryazan, 2012). (In Russian)
- Scott J. 'Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance (1985)', *Krest'ianovedenie: teoriya, istoriya, sovremennost': ezhegodnik. 1996* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Troshina T. I. "Interned" Red Army in Germany. *On a half-forgotten episode of the civil war* (Arkhangelsk, 2016). (In Russian)

Troshina T. I. *History of financial management and money circulation in the Arkhangelsk region* (Arkhangelsk, 2006). (In Russian)

Volobuev P. V. *Economic policy of the Provisional government* (Moscow, 1962). (In Russian)

Yurovskiy L. N. *Soviet monetary policy, 1917–1927* (Moscow, 1927). (In Russian)

Received: January 13, 2019

Accepted: September 12, 2019